

Барфоломеев М. А. - Московский гуманитарный университет

О некоторых аспектах энергетической безопасности в современной Евразии

Развитие современного общества характеризуется быстрыми темпами в социально-экономическом развитии (в мире наметилась тенденция перехода с индустриального типа развития в постиндустриальный), что естественным образом способствует истощению сырьевых ресурсов. Анализ научной литературы позволяют констатировать тот факт, что если данному проблему изначально изучали в научном сообществе европейских стран и США, то с конца XX века данную проблематику стали активно обсуждать и в отечественной науке – Т.А. Данилина, И.Ю. Колесник, А.В. Кондаков, Е.С. Сазонова, С.С. Сулакшин, В.И. Якунин и др. На основе проведенных исследований в области сырьевого потенциала Евразийского континента акцентируют внимание мирового сообщества на неравномерное развитие отдельных государств, особенно на постсоветском пространстве, диспропорции в экономике в связи с энергетическим фактором.

С учетом того, что национальная безопасность строится на принципах объединения всех видов безопасности (экологической, информационной, продовольственной и др.) существующих в современном обществе, приоритетным видом безопасности в настоящий момент выступает именно энергетическая безопасность.

Энергетическая политика сегодня замкнула на себе практически все отрасли промышленного развития цивилизованных стран, и превратилась в диктующий, политический фактор, инструмент принятия стратегически важных политических решений, особенно на евразийском пространстве.

Показательным фактором взаимоотношений Российской Федерации со странами евразийского континента является озабоченность ряда государств в вопросах обеспечения энергетическими ресурсами. Недальновидные политические иерархии отдельных лидеров государств не входящих в число производителей, но при этом имеющих долгосрочную возможность использовать такие ресурсы в своих целях, для поднятия экономического потенциала своих стран, ведёт порой к развитию кризисных ситуаций в области обеспечения энергетической безопасности России, при этом руководство некоторых государств, используя свои меркантиль-

ные интересы и проводя недальновидную политику, играют на партнёрских взаимоотношениях, используя факторы внутренней нестабильности в своих интересах. Упорядочение взаимоотношений между партнёрами вызвало определенные сбои в экономике, как в самих странах производящих энергетические ресурсы, так и странах пользующихся этими ресурсами.

Уязвимость за счет энергоресурсов, т.е. энергобогатств, спровоцировало в этих странах эффект врага в лице стран поставщиков, чувство значимости и превосходства над страной поставщиком (в данном случае мы имеем ввиду Российскую Федерацию), стран осуществляющих транзит и получающих определённые привилегии в использовании энергоресурсов, по цене намного меньшей чем установленные на мировом рынке, что естественно в значительной степени приносит весьма значительные убытки стране производителю.

Учитывая складывающиеся обстоятельства, очевидно и было принято решение странами производителями как Россия, Узбекистан, Азербайджан, Туркмения и др., принять эффективные меры – строительство альтернативных энергетических магистралей в обход транзитных стран таких как: Украина, Польша, страны Прибалтики, Грузии.

Энергетическая безопасность стала темой номер один в повестке дня встречи лидеров восьми индустриально развитых стран, прошедшая в Санкт-Петербурге в июле 2006 года. Повышенное внимание к энергетической безопасности отчасти вызвано дефицитом предложения на нефтяном рынке и высокими ценами на нефть, которые удвоились за последние три года. Но интерес к этой теме также подогревается террористической угрозой, нестабильностью в некоторых государствах-экспортерах, националистическими настроениями, страхом перед конфликтами в борьбе за поставки, геополитическим соперничеством и фундаментальной потребностью стран в энергоносителях для поддержки экономического роста, а на заднем плане — возрастание тревоги по поводу того, хватит ли в грядущие десятилетия ресурсов для удовлетворения мировых потребностей в энергоносителях.

События, которые произошли с начала 2007 года, подчеркнули значимость данной проблемы. Российско-украинский спор по поводу цены природного газа привел к приостановке поставок в Европу. Растущая напряженность вокруг ядерной программы

Тегерана вылилась в угрозы со стороны Ирана, второго по величине производителя в ОПЕК, «вызвать нефтяной кризис». А разрозненные атаки на некоторые объекты нефтяного промысла сократили экспорт из Нигерии, одного из основных поставщиков в Соединенные Штаты.

Хотя в развитых странах привычное определение термина «энергетическая безопасность» сводится просто к обеспечению достаточного объема поставок по доступным ценам, разные страны по-разному трактуют данное понятие применительно к своим условиям. Страны – экспортеры энергоресурсов главный упор делают на поддержании «стабильности спроса» на их экспорт, который в конце концов обеспечивает преобладающую долю их государственных доходов. Россия видит свою задачу в том, чтобы восстановить государственный контроль над «стратегическими ресурсами», а также над основными трубопроводами и каналами сбыта, по которым ее углеводороды поступают на мировые рынки. Развивающиеся страны озабочены тем, как изменение цен на энергоносители влияет на их платежный баланс. Для Китая и Индии энергетическая безопасность – способность быстро приспосабливаться к новой зависимости от мировых рынков, что знаменует собой серьезный отход от их прежнего стремления к самодостаточности. Для Японии же это компенсация острой нехватки внутренних ресурсов за счет диверсификации, торговли и инвестиций. В Европе главная дискуссия сосредоточена на том, как лучше контролировать зависимость от импортируемого природного газа; большинство европейских стран (за исключением Франции и Финляндии) также обсуждают перспективы строительства новых атомных станций и, возможно, возврата к (чистому) углю, А Соединенным Штатам приходится признать тот неприятный факт, что их цель – достижение «энергетической независимости» (фраза, ставшая своего рода мантрой с тех пор, как четыре недели спустя после ввода в 1973-м эмбарго она впервые прозвучала из уст Ричарда Никсона) — все больше расходится с действительностью.

В последнее десятилетие мы стали свидетелями существенного увеличения мировой потребности в нефти — в основном по причине бурного экономического роста в развивающихся странах, особенно в Китае и Индии. Еще в 1993 году Пекину хватало собственной нефти. С тех пор китайский ВВП почти утроился, а по-

требность в нефти выросла более чем вдвое. Сегодня Китай импортирует 3 млн. баррелей нефти в день, почти половину своего совокупного потребления. Доля Китая на мировом рынке нефти — примерно 8 %, но его доля в общем росте спроса с 2000 года составляет примерно 30 %. Мировая потребность в нефти выросла с 2000-го на 7 млн. баррелей в день, причем 2 из этих 7 млн. приходились на КНР. Потребление нефти в Индии в настоящее время составляет менее 40 % от объема потребления в Китае, но поскольку первая уже вступила на путь, который экономист Виджей Келкар называет «винтовой лестницей роста», то ее спрос на нефть будет резко возрастать. (По иронии судьбы нынешнему быстрому росту индийской экономики отчасти способствовал скачок цен на нефть во время кризиса в Персидском заливе 1990–1991 годов. Последовавший удар по ее платежному балансу оставил Индию почти без резервов иностранной валюты, тем самым открыв дверь реформам Манмохана Сингха — тогдашнего министра финансов и нынешнего премьер-министра Индии).

Экономический рост в Китае, Индии и других странах оказал далеко идущее влияние на мировую потребность в энергоносителях. В 1970-е Северная Америка потребляла в два раза больше нефти, чем Азия. В прошлом году, впервые за все время, потребление в Азии превысило показатель Северной Америки. Данная тенденция будет продолжаться: согласно прогнозам Кембриджской ассоциации энергетических исследований (CERA), на Азию в течение следующих 15 лет придется половина совокупного роста потребления нефти. Однако возрастающая роль Азии в этом вопросе стала очевидной для всех лишь в 2004 году, когда наиболее высокие за последнее тридцатилетие показатели глобального экономического роста вылились в «потрясение спроса». Неожиданно резкий рост потребления нефти во всем мире проявился в увеличении темпов роста более чем вдвое по сравнению с соответствующим среднегодовым значением в предшествующем десятилетии. В Китае спрос-2004 превысил спрос-2003 на целых 16 %, что отчасти было спровоцировано перебоями в электроснабжении, повлекшими за собой резкое увеличение потребления нефти, которую использовали для импровизированных электрогенераторов. Потребление в США и других странах тоже значительно выросло в 2004 году. В результате на нефтяном рынке возник самый большой дефицит предложения за три десятилетия (если не считать

первых двух месяцев после вторжения Саддама в Кувейт в 1990-м). При этом скважин для производства дополнительной нефти почти не осталось. То же положение наблюдается и сегодня, но имеется еще и другая загвоздка. Ту дополнительную нефть, которую могли бы добыть, не так-то легко продать, потому что ее невысокое качество не позволяет использовать ее на имеющихся в разных частях мира нефтеперерабатывающих заводах.

Перерабатывающие мощности являются серьезным ограничительным фактором поставок, потому что налицо существенное расхождение между потребностью мировых потребителей в продукции и возможностями нефтеперерабатывающих заводов. Хотя данная проблема часто представляется исключительно американской, нехватка перерабатывающих мощностей — это фактически общемировое явление. Больше всего вырос мировой спрос на так называемые промежуточные дистилляты, дизельное, реактивное и печное топливо. Дизель — излюбленный вид топлива европейских автомобилистов, половина из которых покупает машины с дизельными двигателями, и это топливо все чаще используется для поддержания экономического роста в Азии, где его применяют не только в транспортных средствах, но и в электрогенераторах. Но в мировой системе переработки не хватает так называемых мощностей глубокой переработки для преобразования более тяжелых сортов сырой нефти в промежуточные дистилляты. Этот дефицит мощностей породил дополнительный спрос на более легкие сорта нефти-сырца, такие, как эталонные марки нефти WTI (западнотехасская средняя), что способствует дальнейшему росту цен.

Опыт показывает, что в целях поддержания энергетической безопасности странам следует придерживаться нескольких принципов. Первый и наиболее известный — это то, к чему призвал Черчилль более чем 90 лет тому назад: диверсификация поставок. Умножение числа источников снижает ущерб от срыва поставок из какого-либо одного источника, предоставляя возможность получать сырье из других, альтернативных, источников, что служит интересам как потребителей, так и производителей, для которых стабильность рынков — главный приоритет. Но одной диверсификации недостаточно.

Второй принцип — это устойчивость, «запас надежности» в системе энергоснабжения, который смягчает воздействие потрясений и облегчает процесс восстановления после сбоев. Такая эла-

стичность может быть следствием многих факторов, включая достаточные незадействованные производственные мощности, стратегические запасы, резервное электропитание оборудования, необходимую вместимость резервуаров вдоль всей цепи снабжения, накопление важных составных частей для производства и распределения электроэнергии, а также тщательно разработанные планы оперативного реагирования на сбои, от которых могут пострадать крупные регионы.

Отсюда вытекает третий принцип: признание реальности интеграции. Существует только один рынок нефти — сложная мировая система, перемещающая и потребляющая около 86 млн. баррелей ежедневно. Для всех потребителей безопасность кроется в стабильности этого рынка. Изоляция совершенно исключена.

Четвертый принцип — важность информирования. В основе хорошо функционирующих рынков лежит высококачественная информация. На международном уровне МЭА возглавило усилия по налаживанию потока информации о мировых рынках и энергетических перспективах. Эта работа дополняется шагами нового Международного энергетического форума, который будет стремиться объединить информацию, поступающую от производителей и потребителей (Международный энергетический форум, International Energy Forum — создан в 1991 году как площадка для неофициальных многосторонних и двусторонних дискуссий и консультаций по актуальным вопросам развития мировой энергетики и энергетической безопасности). Информация не менее важна и во время кризиса, когда фактические сбои, обрастая слухами и страхами, способны раздувать панику. Реальное положение вещей может оказаться скрытым за шквалом обвинений, за раздражением, за проявлением негодования, за лихорадочным поиском заговоров, что в состоянии значительно усложнить и без того непростую ситуацию. В таких случаях правительства и частный сектор должны сообща противодействовать возникновению паники с помощью высококачественной и своевременной информации. Правительство США может способствовать гибкости и корректировке рынка, оперативно связываясь с компаниями и позволяя им обмениваться информацией, принимая при необходимости соответствующие антистрессовые меры.

Какими бы важными ни были эти принципы, последние несколько лет высветили потребность в расширении понятия энерге-

тической безопасности в двух таких важных аспектах, как признание необходимости глобализации системы энергетической безопасности, которой можно добиться главным образом путем вовлечения Китая и Индии, и принятие того факта, что нужно защищать всю цепь энергоснабжения.

Китай, жаждущий энергоресурсов, превратился в основной элемент сюжета многих литературных и кинематографических триллеров. Даже если говорить о реальной жизни, то и здесь нет недостатка в подозрениях: некоторые в Соединенных Штатах видят генеральную линию КНР в том, чтобы добиваться преимущества над США и Западом в приобретении нефти и газа за счет новых поставок. В свою очередь часть стратегов в Пекине опасаются, что Соединенные Штаты могут когда-нибудь попытаться ввести запрет на поставки энергоносителей в Китай из-за рубежа. На самом же деле ситуация не столь драматична. Несмотря на все внимание к усилиям Китая получить доступ к мировым нефтяным резервам: например, совокупный объем нынешней ежедневной нефтедобычи Китая за его границами равнозначен всего лишь 10 % ежедневной нефтедобычи одной из крупнейших нефтяных компаний мира. Если между Вашингтоном и Пекином когда-нибудь и возникнут серьезные разногласия по поводу нефти или газа, они, скорее всего, будут обусловлены не конкуренцией за сами энергоресурсы, а тем, что явится частью международных проблем более широкого масштаба (к примеру, спор вокруг какого-либо режима или по поводу надлежащей реакции на ядерную программу Ирана). На самом деле, с точки зрения североамериканских, европейских и японских потребителей, китайские и индийские инвестиции в разработку новых энергоресурсов по всему миру — это не угроза, а нечто желанное. Ведь в грядущие годы, когда спрос на энергоресурсы в Китае и Индии будет расти, каждый сможет пользоваться большим количеством энергии.

Было бы разумнее (в действительности совершенно необходимо сделать это безотлагательно) включить этих двух гигантов во всемирную сеть торговли и инвестиций вместо того, чтобы стать свидетелями их сползания к меркантильному подходу, основанному исключительно на двусторонней основе. Вовлечение Китая и Индии в глобальную систему потребует понимания того, что означает для них энергетическая безопасность. Обе страны быстро движутся от самодостаточности к интеграции в мировую эконо-

мику. Это предполагает, что они станут всё больше зависеть от мировых рынков — причем как раз тогда, когда их правительства будут испытывать на себе огромное давление, поскольку от них потребуется обеспечить экономический рост своему громадному населению, ежедневно сталкиваемому с нехваткой энергоресурсов и отключениями электричества. Таким образом, главная задача Китая и Индии — обеспечить себя энергоресурсами, достаточными для поддержания экономического роста и предотвращения дефицита энергии, ослабляющего нацию и чреватого социально-политическими волнениями.

Для Индии, где политики пока еще не могут забыть кризис платежного баланса 1990-го, нефтедобыча за рубежом — это тоже способ оградить себя от высоких цен. Таким образом, нужно помочь Индии, Китаю и другим ключевым странам, таким, в частности, как Бразилия, действовать в координации с существующей в рамках МЭА системой энергетической безопасности, с тем чтобы предоставить им гарантию защиты их интересов в случае каких-либо потрясений и чтобы повысить эффективность самой системы.

Нынешняя модель энергетической безопасности, родившаяся на свет во время кризиса 1973 года, делает упор в основном на том, как справиться с любым срывом поставок нефти из добывающих стран. Понятие энергетической безопасности необходимо сегодня расширить так, чтобы включить в него защиту всей инфраструктуры и цепи энергоснабжения, а это — грандиозная задача. В одних только Соединенных Штатах имеется: более 150 нефтеперерабатывающих предприятий, 4 тыс. шельфовых нефтяных платформ, 160 тыс. миль (257 488 км) нефтепроводов, оборудование с суточной пропускной способностью 15 млн. баррелей импортируемой и экспортируемой нефти, 10 400 электростанций, 160 тыс. миль высоковольтных линий электропередач и миллионы миль проводов для распределения электроэнергии, 410 подземных промысловых газохранилищ и 1,4 млн миль (2 253 020 км) газопроводов. Ни одна из сложных, интегрированных цепей снабжения в мире не создавалась с учетом безопасности, трактуемой в этом широком смысле. Ураганы «Катрина» и «Рита» заставили по-новому взглянуть на проблему безопасности, показав фундаментальное значение электрической сети для всех других аспектов энергоснабжения. После ураганов нефтеперерабатывающие предприятия на северной части побережья Мексиканского залива и

крупные американские нефтепроводы не могли функционировать не потому, что были повреждены, а потому, что не получали электропитания.

Энергетическая взаимозависимость и растущие масштабы торговли энергоносителями требуют постоянного сотрудничества производителей и потребителей для обеспечения безопасности всей цепи энергоснабжения. Трансграничные трубопроводы большой протяженности становятся всё более важным элементом в мировой энергетической торговле. Существуют также многочисленные узкие коридоры на маршрутах морской транспортировки нефти и во многих случаях – сжиженного природного газа (СПГ), которые делают весь процесс особенно уязвимым: это Ормузский пролив у входа в Персидский залив; Суэцкий канал, соединяющий Красное и Средиземное моря; Баб-эль-Мандебский пролив, ведущий в Красное море; пролив Босфор – главный экспортный канал для российской и каспийской нефти; Малаккский пролив, через который проходит 80 % японской и южнокорейской нефти, а также около половины китайской. Захват и повреждение танкеров на этих стратегических водных путях способны перекрыть каналы поставки на длительное время. Безопасность трубопроводов и узких коридоров в морской акватории потребует дополнительного мониторинга, равно как и создания многосторонних сил быстрого реагирования.

Проблемы в сфере энергетической безопасности станут в грядущие годы всё более насущными, поскольку масштабы мировой торговли энергоносителями существенно увеличатся по мере углубления интеграции мировых рынков. В настоящее время около 40 млн баррелей нефти ежедневно пересекают просторы Мирового океана в танкерах; к 2020 году этот показатель может подскочить до 67 млн баррелей. К тому времени Соединенные Штаты, возможно, будут импортировать 70 % всей своей нефти (в сравнении с нынешними 58 % и 33 % в 1973-м); то же самое, похоже, ожидает и Китай. Объемы природного газа, пересекающего Мировой океан в виде СПГ, могут к 2020 году утроиться до 460 млн тонн. Америка будет важной частью этого рынка: хотя сегодня СПГ покрывает лишь около 3 % потребностей США, к 2020-му его доля может превысить 25 %. Обеспечение безопасности мировых рынков энергоносителей потребует согласованных действий как на международном, так и на внутригосударственном

уровне со стороны компаний и правительств, включая энергетические, экологические, военные, правоохранительные и разведывательные ведомства.

Однако в Соединенных Штатах, так же как и в других странах, далеко не всегда очевидно, кто обеспечивает финансирование и кто за что отвечает в области защиты критически важной инфраструктуры, прежде всего энергетической, и каковы источники ее финансирования. Частному сектору, федеральному правительству, властям штатов и местным органам самоуправления следует предпринять шаги в направлении улучшения координации деятельности. Сохранение приверженности к согласованным действиям в периоды низких или умеренных цен потребует дисциплинированности и бдительности. Как заметил Стивен Флинн, специалист по внутренней безопасности при Совете по международным отношениям, «безопасность не бесплатна». И государственному, и частному сектору нужно вкладывать средства в повышение уровня безопасности энергетической системы – это означает, что обеспечение энергетической безопасности повлияет как на стоимость энергоносителей, так и на расходы на национальную безопасность.

Сами рынки необходимо признать источником безопасности. Система энергетической безопасности создавалась в то время, когда в Соединенных Штатах действовали регулируемые цены на энергоносители, торговля энергоресурсами только начиналась, а до формирования фьючерсных рынков оставалось еще несколько лет. Сегодня крупные, гибкие и хорошо функционирующие рынки энергоресурсов обеспечивают безопасность, смягчая потрясения и позволяя спросу и предложению реагировать на них более оперативно и искусно, чем это могла делать управляемая система. Такие рынки явятся гарантией безопасности растущего рынка СПГ, что укрепит уверенность стран-импортеров. Таким образом, правительства должны сопротивляться искушению поддаться политическому давлению и осуществлять назойливое управление рынком. Вмешательство и регулирование, какими бы благими мотивами они ни оправдывались, могут привести к обратным результатам, замедляя и даже не допуская перемещения ресурсов, необходимого для устранения последствий сбоя.

По крайней мере в Соединенных Штатах воспоминания о пресловутых очередях за бензином в 1970-х возникают после лю-

бого скачка цен или сбоя даже у тех, кто в те времена еще только начинал ходить (и, быть может, даже у тех, кто тогда еще не родился). Тем не менее эти очереди в значительной степени являлись плодом собственных ошибок — следствием контроля за ценами и существования неповоротливой системы распределения, при которой бензин отправлялся туда, где в нем не нуждались, и не поставлялся в районы, страдавшие от его нехватки.

Противопоставьте это тому, что произошло сразу после урагана «Катрина». Крупный сбой поставок нефти в США сопровождался сообщениями о раздувании цен и начинающемся дефиците бензина на автозаправочных станциях — все это вместе взятое могло привести к появлению вдоль Восточного побережья новых «бензиновых» очередей. Однако рынки пришли в равновесие и цены упали гораздо быстрее, чем ожидалось. Были осуществлены экстренные поставки из стратегических нефтяных запасов США и других запасов МЭА, что стало для рынка сигналом «не паниковать». В то же время правительство ослабило два важных регулирующих ограничения. Один из них — закон Джонса (запрещавший кораблям не под американскими флагами перемещать грузы между американскими портами), действие которого было временно приостановлено с целью разрешить неамериканским танкерам доставлять, огибая Флориду, топливо, застрявшее в узком коридоре у северной части побережья Мексиканского залива, на Восточное побережье, где в нем остро нуждались. Другое ограничение — серия постановлений о «бензине улучшенных сортов», которые требовали поставлять бензин разного качества в разные города. Их также временно отменили, чтобы поставки бензина можно было перенаправить на юго-восток страны из других регионов. Этот опыт ясно высвечивает необходимость включить в механизм энергетической безопасности гибкий подход к регулирующей деятельности и к окружающим условиям (а также ясное осознание факторов, препятствующих усилиям по корректировке), чтобы как можно более эффективно справляться со сбоями и аварийными ситуациями.

Правительство США и частный сектор тоже должны взять на себя новые обязательства в области эффективного использования и экономии энергии. Хотя воздействие энергосбережения на экономику часто недооценивается, в течение последних нескольких десятилетий оно было огромным. За последние 30 лет американ-

ский ВВП вырос на 150 %, тогда как потребление энергии увеличилось лишь на 25 %. В 70-е и 80-е годы прошлого столетия многие считали такое расхождение невозможным или, по крайней мере, определенно губительным для экономики. Верно то, что более эффективное использование энергии стало возможно во многом благодаря тому, что экономика США теперь «легче», чем три десятилетия назад, как выразился бывший председатель Федеральной резервной системы Алан Гринспен. Иными словами, ВВП сегодня в меньшей степени складывается из производства и в большей — из услуг (особенно в области информационных технологий), чем это можно было представить себе в 1970-е. Но главное остается в силе: экономия дала плоды. Нынешние и будущие достижения в области технологий могут способствовать получению существенных дополнительных выгод, которые принесут громадную пользу не только таким передовым экономикам, как американская, но и экономикам таких стран, как Индия и Китай (на самом деле в последнее время Пекин сделал энергосбережение своим приоритетом).

Наконец, благоприятный инвестиционный климат, как таковой, должен стать ключевой задачей в сфере обеспечения энергетической безопасности. Для разработки новых ресурсов необходим постоянный поток инвестиций и технологий. По последним оценкам МЭА, в ближайшие 25 лет потребуется 17 трлн. долларов для внедрения новых разработок в области энергетики. Эти денежные потоки не материализуются без создания разумных и стабильных механизмов инвестирования, без своевременного принятия решений на правительственном уровне и без открытых рынков. Способы облегчения инвестиций в энергетику стали одним из важнейших вопросов, которые лидеры стран — членов «Большой восьмерки» обсуждались на встрече в 2006 году в рамках посвященной проблемам энергетической безопасности повестки дня.

В будущем рынки энергоносителей станут неизбежно испытывать потрясения. Некоторые из их возможных причин можно примерно предвидеть: это скоординированные террористические атаки, сбои поставок с Ближнего Востока и из Африки или беспорядки в Латинской Америке, которые скажутся на нефтедобыче в Венесуэле — третьем по величине производителе ОПЕК. Однако другие возможные причины могут стать неожиданностью. В прибрежной нефтяной индустрии давно уже возводятся такие соору-

жения, которые могли бы выдержать «столетний шторм» (геологический термин, означающий сильнейший шторм; вероятность которого условно равна одному разу в столетие), но никто не мог предугадать, что в течение нескольких недель два таких разрушительных урагана ударят по энергетическому комплексу в Мексиканском заливе. А те, кто создавал систему экстренного распределения стратегических запасов МЭА, не могли даже на мгновение представить себе, что эти резервы могут быть вскрыты для того, чтобы смягчить последствия аварий, произошедших в Соединенных Штатах.

Диверсификация останется основополагающим отправным принципом энергетической безопасности и в нефтяной, и в газовой отраслях. Однако вполне вероятно, что теперь она потребует и разработки нового поколения технологий, которые используются в ядерной энергетике или применяются при «чистом» сжигании угля, а также поддержки возрастающей роли разнообразных возобновляемых источников энергии по мере того, как те будут становиться все более конкурентоспособными. Диверсификация также обусловит необходимость инвестиций в новые технологии, начиная с тех, которые должны появиться в ближайшей перспективе (преобразование природного газа в жидкое топливо), и до технологий более отдаленного будущего, пока еще находящихся в стадии лабораторной разработки, таких, как создание биологических источников энергии. Сегодня наблюдается рост инвестиций в технологии по всему энергетическому спектру, и это окажет позитивное воздействие не только на энергетику будущего, но и на окружающую среду.

Но энергетическая безопасность существует и в более широком контексте. В мире, который характеризуется усиливающейся взаимозависимостью, энергетическая безопасность будет во многом зависеть от того, как государства выстраивают отношения друг с другом, будь то на двусторонней или на многосторонней основе. Вот почему энергетическая безопасность окажется одной из главных проблем американской внешней политики в грядущие годы. Частью этой проблемы станет необходимость предвидеть и оценивать различные вероятные сценарии. А для этого надо не только заглядывать за угол, но и уметь рассмотреть за циклическими взлетами и спадами как реальность существования все более сложной и более интегрированной всемирной энергетической системы, так

и значимость отношений между вовлеченными в эту систему странами.

Прогнозы ведущих экспертов сходятся на том, что в течение первой четверти XXI века глобальные потребности в энергии увеличатся на 60%. Среднегодовой темп прироста энергопотребления в мире в этот период составит порядка 2%. Сейчас в мировом энергопотреблении нефть составляет 40%, уголь – 27%, газ – 23%, атомная электроэнергия – 7%. Предполагается, что доля газа увеличится к 2025 году до 28,4%, а доля атомной энергии сократится до 4,5%. На гидроэнергию, солнечную и ветровую энергию в сумме сегодня приходится 3%. Возобновляемые источники пока не играют существенной роли в мировом энергетическом балансе, однако наиболее авторитетные прогнозы свидетельствуют, что начиная с середины столетия их потребление существенно возрастет, и к 2100 г. доля альтернативных источников энергии достигнет 50%.²⁹

Россия имеет уникальные ресурсные возможности для решения энергетических проблем, которые в XXI веке приобрели глобальный характер. В структуре мировых доказанных запасов нефти на долю Российской Федерации приходится, по разным оценкам, от 6 до 12%. Нашей стране также принадлежит более четверти мировых разведанных запасов газа. Россия является одним из крупнейших производителей нефти и мировым лидером в газовой сфере. Значительный ресурсный потенциал существует у российской угольной отрасли. Развитие атомной энергетики в свою очередь позволит нашей стране сохранить и эффективно использовать свои ресурсы. Большие перспективы связаны с развитием технологий в области использования возобновляемых источников энергии, чему сегодня Россия уделяет значительное внимание.

Учитывая особую роль России в мировом энергетическом сообществе, чрезвычайно важен серьезный анализ как глобальных, так и региональных приоритетов энергетической политики нашей страны, а также факторов, способствующих укреплению ее роли на мировых энергетических рынках. Особое внимание энергетическому сотрудничеству было уделено и на недавней встрече на высшем уровне Россия – Европейский союз в Самаре в мае 2007 г.

²⁹ В.И.Салыгин. Энергетическая безопасность сегодня. МИЭП МГИМО (У) МИД России. 28.06.2007. С. 5.

В апреле 2007 г. энергетическое сотрудничество было предметом обсуждения в рамках российско-германских консультаций в Томске. В присутствии Президента России и Федерального канцлера ФРГ было подписано соглашение между «Газпромом» и концерном «БАСФ» об обмене активами в рамках проекта освоения Южно-Русского газоконденсатного месторождения.

Выступая после встречи с А. Меркель, В.В.Путин подчеркнул, что «изменяется качество нашего взаимодействия. Оно становится не просто партнерским, но по-настоящему стратегическим». Еще одним ключевым направлением внешней энергетической политики нашей страны являются страны Азиатско-Тихоокеанского региона. С этим регионом связаны важные для России альтернативные направления экспорта нефти.

В частности, строительство единой нефтепроводной системы «Восточная Сибирь – Тихий океан» даст возможность решить одновременно две важнейшие задачи: создать транспортную инфраструктуру, необходимую для начала активной разработки месторождений Восточной Сибири и Дальнего Востока и обеспечить выход российского нефтяного сырья на быстроразвивающийся рынок Азиатско-Тихоокеанского региона.

В АТР необходимо отметить такие приоритеты, как Китай, Япония, Республика Корея, Индия. Особое значение для отечественного ТЭК имеет перспективный китайский рынок. В марте в Москве прошли российско-китайские переговоры на высшем уровне. Значительное внимание было уделено долгосрочному стратегическому взаимодействию в энергетической сфере. В совместной декларации было отмечено, что «реализация крупных двусторонних проектов сотрудничества в энергетической сфере окажет ощутимое содействие росту экономик, укреплению экономической безопасности и России, и Китая».

В ходе визита Президента России в Индию активно обсуждалось сотрудничество в области атомной энергетики, был подписан меморандум между Росатомом и Департаментом по атомной энергии правительства Индии о развитии сотрудничества.

Важным направлением для России остается энергодиалог с США. Вопросы взаимодействия в энергетической сфере занимают одно из центральных мест в ходе встреч президентов наших стран.

Если говорить о перспективах, то транспортная система Западная Сибирь – побережье Баренцева моря, которая предусмат-

ривает строительство трубопроводной системы и создание терминала на побережье Баренцева моря мощностью 50 млн. тонн в год, позволит осуществлять поставки российской нефти на американский рынок крупнотоннажными танкерами.

Принципиально новое направление газовой политики России – развитие производства и поставок газа в сжиженном виде. Это выводит диверсификацию экспорта на межконтинентальный уровень. Именно АТР и США станут основными регионами для экспорта российского СПГ. В 2010 году Россия может поставить в Соединенные Штаты сжиженный природный газ в объеме до 20 млрд. куб. м. Это обеспечит более трети потребностей данного рынка. И существенно расширит геополитические возможности России. Активное развитие российской энергетической политики, выход отечественных компаний топливно-энергетического комплекса на новые рынки требует глубокого анализа и оценки политических и экономических рисков, исследования тенденций развития мировой энергетики, ситуации по регионам с учетом влияния политических факторов. Особую важность приобретает формирование достоверных и обоснованных прогнозов.

Говоря о проблемах международной энергетической безопасности и о приоритетах российской энергетической политики, необходимо, прежде всего, думать о достижении максимально выгодных результатов для нашей страны в политике и экономике. Как отметил в одном из выступлений Президент России В.В.Путин, «от того, какое место мы займем в глобальном энергетическом сотрудничестве, прямо зависит благополучие России и в настоящем, и будущем».

Проблемы связанные с обеспечением энергетической безопасности являются предметом пристального внимания западных экспертов и аналитиков, в частности повышенный интерес к данной проблеме проявляет национальный разведывательный совет США (National Intelligence Council, NIC), Норвежский институт стратегических исследований, американско-израильский аналитический центр "Стратфор".

При всём многообразии подходов и позиций различных исследовательских центров в вопросах энергетической безопасности стран Европы и Российской Федерации просматриваются определённые сдвиги, связанные с изменением восприятия России как самостоятельного игрока на мировой арене. Свидетельством дан-

ному обстоятельству является совместная деятельность в поддержании достаточного уровня энергообеспечения "своих" стран, с одной стороны Белоруссия, Таджикистан, Казахстан, Киргизстан, а с другой Германии, Франции, Болгарии, Венгрии, Чехии, Италии и т.д., осуществляющих совместные проекты в разработке и освоении, транспортировке и охране энергоресурсов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что среди современной политической элиты, прежде всего, политической партии «Единая Россия», разделяется точка зрения - современное социально-экономическое и политическое развитие России, характеризуется высокой позитивной динамикой. Что непосредственно отражается на внешнеполитическом положении Российской Федерации и повышении её способности реализовывать свои национальные интересы на глобальном и региональном уровнях, а также в межгосударственных отношениях с большинством стран мира. Но анализ социально-экономического развития Российской Федерации начала XXI века свидетельствует о расхождении желаемой перспективы с реалиями социально-экономической действительности. Не следует забывать, что последние десятилетия свидетельствуют об увеличении экспорта нефти, но фоне сокращения его потребления внутри страны, в результате падения промышленного производства. Например, в 2002 г. добыча нефти составила 379,6 млн. т. Из них в Российской Федерации было потреблено 185,1 млн. т, а на экспорт ушло 189,7 млн. т. В 2005 г. из 470 млн. т. в России потреблено 207,4 млн.т., а на экспорт ушло 252,5 млн.т.³⁰ Таким образом, высказывание экс премьер-министра Великобритании М. Тэтчер стало оправдываться в отношении превращения Россия в страну сырьевого придатка.

Оценивая общие подходы зарубежных исследователей к оценке проблемных мест в обеспечении национальной безопасности России, подчеркнём, что происходит определённая эволюция в их взглядах. При этом данные изменения, как правило, обусловлены новыми критериями, которые используются при анализе внутривнутриполитической, экономической и социальной ситуации в России. Среди них на первое место выходит, по нашему мнению, такие критерии, которые позволяют определить наиболее уязвимые места внешней и внутренней политики российского руководства, с тем, чтобы при реализации концепций, направленных на

³⁰ ТЭК стран мира: Россия и G 8, сентябрь 2006, ЦДУ ТЭК, Минтон, 2006 г.

обеспечения доминирования Запада в различных сферах взаимоотношений, как с нашими ближайшими соседями и партнёрами, так и с самой Россией, использовать её слабости в качестве средства достижения конкретных целей, ущемляющих национальные интересы России и препятствующие её динамичному развитию, в том числе в области обеспечения энергетической безопасности страны – как неотъемлемой составляющей национальной безопасности Российской Федерации.

Веденин В. С. - Филиал Санкт-Петербургского Института внешнеэкономических связей, экономики и права

Методология исследования правопонимания.

Понятие «методологии научного исследования» представлено в литературе разноречиво и не имеет четких границ и общепризнанного определения. Ряд авторов под методологией научного исследования понимают научную дисциплину о средствах и методах познания,³¹ другие рассматривают ее как совокупность основополагающих идей, принципов, приемов, которыми руководствуется исследователь в процессе познавательной деятельности.³²

В правоведении методологию обычно трактуют как совокупность определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных способов исследования государственно-правовых явлений.³³

В.П. Ворожцов и А.Т. Москаленко понимают методологию как совокупность общих принципов и методов, используемых в научном исследовании той или иной области науки, независимо от того, насколько точно они сформулированы и сформулированы ли вообще.³⁴ Любопытно, что указанные авторы к числу принципов относят, в том числе: законы функционирования методов исследования, законы, на которых основана логика данной науки, и неко-

³¹ См. напр.: Штоф В.А. Современные проблемы методологии научного познания. Л. 1975. – С. 4; Луквич Р. Методология права. М.: «Прогресс». 1981. – С. 24-25.

³² Ельчанинов В.А. Методологические проблемы исторической науки: Учебное пособие. Барнаул. 1990. – С. 5.

³³ См. напр.: Сырых В.М. Метод правовой науки: основные элементы, структура. М.: «Юридическая литература». 1980. – С. 6.

³⁴ См.: Ворожцов В.П. Москаленко А.Т. Методологические установки ученого: природа и функции. Новосибирск: «Наука». 1986. – С. 10.